

Васильченко Татьяна Валериевна

О РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ К ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ"

В статье представлена эволюция подходов к переводу лексики с национально-культурным и религиозным компонентом в англоязычной культуре XX века. Результаты сопоставительного анализа четырех переводов романа Ф. М. Достоевского представлены во взаимосвязи с основными постулатами переводческих концепций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Crier à tue-tête (букв: кричать с убитой головой) - 'очень громко': оценка - 'плохо', эмоция - 'поричание'.
Se payer la tête de qn (букв.: купить себе голову кого-либо) - 'дурачить кого-либо, издеваться над кем-либо':
оценка - 'плохо', эмоция - 'презрение'. *Manger comme un loup* (букв.: есть как волк) - 'жадно кушать': оценка
- 'плохо', эмоция - 'пренебрежение'.

Фразеологизмы - сложные семиотические знаки, в них взаимодействуют такие компоненты семантики, как денотация, оценка, мотивация, эмотивность, стилистическая окраска. Все компоненты семантики образуют сигнификат (план содержания) идиомы. Оценочно-эмотивное содержание фразеологизмов русского и французского языков позволяет говорить о том, что оценка и эмотивность несут национальный характер, который зиждется на неодинаковом образном основании, закрепляемом в сознании этноса, но вместе с тем укладываются в диапазон «хорошо - плохо» и рассредоточиваются в спектре характеристики по шкале «одобрение - неодобрение» соответственно.

Список литературы

1. **Бабаева Е. В.** Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
2. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. **Телия В. Н.** Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

EVALUATIVE-EMOTIONAL CONTENTS OF RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGICAL UNITS

Anatoliy Petrovich Vasilenko

*French Language Department
Bryansk State University
Anatvasilenko@mail.ru*

Evaluation and emotion are the empirical components of phraseological unit semantics, they reflect behavioral norms existing in society and attitude to these norms. These components of meaning can have concrete speech characteristics and also nationally conditioned ones.

Key words and phrases: phraseological unit; evaluation; emotionality; denotation; picture of the world; scale «approval/disapproval»; diapason «well/badly».

УДК 82.03

В статье представлена эволюция подходов к переводу лексики с национально-культурным и религиозным компонентом в англоязычной культуре XX века. Результаты сопоставительного анализа четырех переводов романа Ф. М. Достоевского представлены во взаимосвязи с основными постулатами переводческих концепций.

Ключевые слова и фразы: перевод лексики с национально-культурным и религиозным компонентом; англоязычная культура XX века; сопоставительный анализ; Ф. М. Достоевский; переводческие концепции.

Татьяна Валериевна Васильченко

*Кафедра иностранных языков в области геологии и нефтегазового дела
Томский политехнический университет
tvasilchenko@gmail.com*

О РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ К ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»©

Художественный перевод является особым видом переводческой деятельности, в которой переводчик вынужден балансировать между верностью оригиналу и нормами и традициями переводящего языка и культуры. Задача переводчика осложняется еще и тем фактом, что художественный текст - это сложно построенный смысл, за значениями языковых единиц которого скрывается целая сеть ассоциаций, смысловых связей, универсальных и национальных концептов. В попытке создать равноценное подлиннику художественное произведение в условиях переводящего языка и культуры, переводчики создают новые переводы, применяя различные стратегии и тактики.

В рамках межкультурного и межлитературного посредничества актуальной становится задача выявления определенных закономерностей в подходах к переводу лексики с национально-культурным и религиозным компонентом. Материалом анализа являются англоязычные переводы романа Ф. М. Достоевского «братья Карамазовы», который изобилует библейскими включениями, церковно-религиозной лексикой, культурно-маркированными единицами, играющими значительную роль не только в создании определенных образов, но и в общей идейной концепции романа.

Первое переводческое осмысление романа начинается в начале XX века с появлением первой англоязычной версии, выполненной К. Гарнетт. В истории англо-американской переводческой мысли это время охарактеризовано, во-первых, дальнейшим развитием основных постулатов «теории перевода» викторианской эпохи, во-вторых, отсутствием хорошей теоретической базы: переводчики работали в сжатые сроки, опираясь на собственные взгляды и симпатии.

Сопоставительный анализ первого англоязычного перевода романа «братья Карамазовы» показал. Что в переводе немало частных и на первый взгляд незначительных пропусков. Иногда такие пропуски искажают идейный смысл текста. Синтаксические простые и стилистические нейтральные предложения, связанные с образами старца Зосимы и Алексея, остаются непереведенными. Без перевода К. Гарнетт оставляет и знаменитый евангельский эпиграф романа, и предисловие «От автора» - так называемые «внетекстовые элементы», которые, тем не менее, несут значительную смысловую нагрузку. Исследование текстовых фрагментов, связанных с образом Алеши, выявило изъятие переводчиков отдельных текстовых элементов оригинала на уровне слова или синтаксического единства, что приводит к частичной деформации той христианской проблематики, которая воплощена Достоевским в данном художественном образе.

Философия старца Зосимы в переводе предстает как учение о распределении материальных ценностей. В переводе иноки должны установить братство на земле, научить людей быть ответственными друг за друга только для того, чтобы они поровну поделили между собой все богатства.

Определяющая образ Ивана проблематика теодицеи и религиозный бунт героя приобретает социально-политическую направленность, религиозные вопросы переводятся в юридический план. Показательно в данном отношении изменяется знаменитая фраза Ивана «все позволено», которой в версии К. Гарнетт соответствует фраза «everything is lawful», означающая «все законно». «Что мне в том, что виновных нет, и что я это знаю, - мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя» [1, т. 14, с. 222], - размышляет Иван в разговоре с Алешей. К. Гарнетт в качестве эквивалента к существительному «возмездие» использует английское «justice», означающее «правосудие», что придает требованию Ивана юридический оттенок. Версия К. Гарнетт демонстрирует установку на позитивную интерпретацию позиции Великого инквизитора. Так, переводя предложение оригинала: «Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем Кесарями» [Там же, с. 234], К. Гарнетт использует слово «triumph» (восторжествовать), которое в значительно большей степени наделено положительной семантикой, чем нейтральный в этом отношении глагол оригинала «достигать». В то же время перевод текстовых фрагментов романа, связанных с образом Христа, в ряде случаев характеризуется достаточно небрежными переводческими решениями.

Так, слова Достоевского о том, что Христос, искушаемый в пустыне Сатаной, «с негодованием отверг» его искушения, К. Гарнетт переводит при помощи слова «scorn», что означает «отверг с презрением / насмешкой». В соответствии с таким вариантом перевода, высокое негодование Христа снижается до вполне человеческих эмоций.

Таким образом, особенностью перевода лексики с национально-культурным и религиозным компонентом в первом переводе романа является не столько точный или неточный подбор эквивалентов, сколько определенный стиль работы переводчика с фрагментами, связанными с религиозной проблематикой романа. В целом, можно сделать вывод, что активная политическая позиция К. Гарнетт, ее приверженность доктринам социализма, вера в силу гуманизма и скептическое отношение к религии определили ее общий подход к переводу романа «Братья Карамазовы». В результате этого перевод К. Гарнетт высветил, в первую очередь, социально-политическую составляющую великого произведения Достоевского.

Появление новых переводов в середине столетия обусловлено формированием иного взгляда на язык, а также литературу и художественный перевод. Поставленная задача внедрить текст оригинала в новую культурную среду и обеспечить его полноценную коммуникацию совпала с набиравшей в то время популярность в англоязычном мире «одомашнивающей» переводческой стратегией. В связи с этим, переводы Д. Магаршака и Э. Мак Эндру, хоть и в разной степени, но были выполнены с учетом языка реципиента и особенностей литературной культурой англо-американского мира.

Так, в переводе Д. Магаршака практически отсутствуют отчества персонажей. Полное имя персонажа в переводе компенсируется употреблением перед фамилией существительных «мистер», «мисс», «миссис». Эквивалентами религиозно маркированной лексики в переводе главным образом становятся общеупотребительные, нейтральные в этом отношении слова и выражения, в худшем случае подобная лексика остается без перевода. Во всех случаях перевода слова «лампада» переводчик избегает использования английского слова «icon lamp», используемого в основном в церковной терминологии. В переводе встречаются следующие варианты: «a lighted lamp (зажженная лампа)», «lamp (лампа)», «light (свеча)». В данном случае наблюдается лишь упрощение единицы исходного текста, а вот слово «пустынь», встречающееся в главе «Старцы», остается непереведенным.

В большей степени так называемым «сдвигам» при «одомашнивающей» стратегии подвержены те фрагменты текста, в которых воплощается национальная культурная специфика оригинала. Например, в главе «Третий сын Алеша» в уста Миусова вложено описание легкого характера Алеши, его способности вызывать к себе симпатию, «пристроиться». Глагол «пристроиться» переводится при помощи выражения «to find a job» («найти работу»), а человек, который готов оказать Алексею помощь, становится в переводе работодателем («employer»).

Оригинал: «<...> он ни за что не погибнет и не умрет с голоду и холоду, потому что его мигом накормят, мигом пристроят, а если не пристроят, то он сам мигом пристроится, и это не будет стоить ему никаких усилий и никакого унижения, а пристроившему никакой тягости<...>» [Там же, с. 20].

Перевод: «<...> he would never die of exposure or hunger because he would be instantly fed and given some job, and if not, he would find a job himself, and that would cost him no effort or humiliation, nor would he be a burden to his employers<...>» [6, p. 20].

Подстрочник: «<...> он никогда не умрет от холода и голода, так как его сразу же накормят и дадут работу, а если нет, то он сам найдет работу, и это не будет стоить ему никаких усилий и никакого унижения, также как и он не будет в тягость своему работодателю<...>».

В данном фрагменте Д. Магаршак работает в духе прагматичного Запада, переводя глагол «пристроиться» выражением «найти работу» и называя человека, оказавшего помощь Алексею, работодателем. Глагол «пристроиться», действительно, в русском языке в разговорной форме может использоваться в значении «найти работу», «попасть на службу». Однако чаще всего подобная форма употребления данного слова встречается при обозначении выгодного места работы.

Здесь стоит отметить, что в тексте романа это слово является характеризующим относительно образа Петра Алексеевича Миусова, который высказывает свое мнение об Алексее. Известно, что сам он был человек «на счет денег и буржуазной честности весьма щекотливый» [1, т. 14, с. 20]. В описании же образа Алексея Достоевский подчеркивает его индифферентность к денежным вопросам: «Характерная тоже, и даже очень, черта его была в том, что он никогда не заботился, на чьи средства живет <...> Да и вообще говоря, он как бы вовсе не знал цены деньгам, разумеется, не в буквальном смысле говоря» [Там же].

Учитывая все выше сказанное, становится понятным, почему используется глагол «пристроиться», означающий как «расположиться где-нибудь», «устроить, уладить свои дела» (характеристика Алексея), так и «найти выгодную работу» (характеристика Петра Александровича Миусова). Переводчик в данном случае актуализирует в переводе то значение слова оригинала, которое, по его мнению, будет наиболее понятным англоязычному читателю. В рамках такого подхода закономерным выглядит перевод слова «грошики» английским словом «farthings (фартинг)», 1/4 пенни.

Как и Д. Магаршак, Э. Мак Эндрю практически не переводит отчества героев, а полные имена в переводе компенсируются использованием английских форм вежливого обращения: Mr (мистер), Mrs (Миссис), Miss (мисс). Имя и отчество прокурора англоязычному читателю остается неизвестными, так как переводчик посчитал достаточным перевести лишь им занимаемую должность (prosecutor / прокурор).

Э. Мак Эндрю дробит длинные абзацы Достоевского в соответствии с развитием действия на более мелкие, меняет последовательность эпизодов, добавляет или комментирует текст оригинала, не переводит как отдельные фразы, так и целые предложения. Без перевода остается слово «душа», которое часто встречается в описаниях образа Алексея, Федора Павловича. Достаточно часто в тексте перевода можно встретить опущения целых предложений, которые в лексическом и синтаксическом плане просты для перевода. Наиболее яркие примеры взяты из главы «Из бесед и поучений старца Зосимы»:

«И что же выходит из сего права на приумножение потребностей?» [Там же, с. 284].

«Русский же монастырь искони был с народом» [Там же, с. 285].

Э. Мак Эндрю активно корректирует сам текст Достоевского, внося в него существенные изменения и содержательного, и формального характера. Переводчик разъясняет своему читателю исторические, культурные, литературные реалии русской жизни, содержащиеся в романе Достоевского. В главе «Сговор» госпожа Хохлакова, обращаясь к Алексею, сравнивает себя с Фамусовым, в последней сцене, Алексея - с Чацким, а Lise - с Софьей. Переводчик уточняет: «in the last scene of that Griboedov play (в последней сцене пьесы Грибоедова)». Аналогично переводчик работает с фразой Достоевского «да здравствует освободитель народа», уточняя имя царя: «long life to our Tsar Alexander II».

Анализ позволяет сделать вывод о том, что переводчики середины столетия в попытке создать легко читаемый и общедоступный текст меняют синтаксическую организацию оригинала, опускают ненужные на их взгляд элементы и дополняют текст собственными комментариями относительно отсутствующих в воспринимающей культуре реалий. Многочисленные комментарии переводчиков, внесенные в текст «Братьев Карамазовых» без оформления каких-либо ссылок, безусловно, выполняют важнейшую адаптивную функцию. Однако подобная работа нарушает художественную целостность оригинала, нивелирует его культурные особенности, что во многом снижает ценность межкультурного посредничества.

В 1990-е гг. в свет выходят сразу три перевода романа «Братья Карамазовы», два из которых принадлежат перу английских переводчиков - Дэвиду Мак Даффу и Игнату Авсею, а третий - всемирно известному русско-американскому переводческому тандему Ричарда Пивиа и Ларисы Волохонской.

Появление сразу трех переводов романа в столь короткий временной промежуток обусловлено, во-первых, появлением на английском языке книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» в 1973 г. и ее переизданием в 1983 г.; во-вторых, развитием переводоведения как специальной научной дисциплины. Все три перевода, так или иначе, отражают основные тенденции современного западного переводоведения. При этом, как утверждают сами переводчики, главной причиной их нового обращения к «Братьям Карамазовым» является стремление передать при переводе те принципы организации художественного текста Достоевского, которые были выявлены Бахтиным и которые, по их мнению, в предшествующих переводах не учитывались.

В самом распространенном современном переводе, выполненном Р. Пивиа и Л. Волохонской, отсутствует свободное дробление длинных абзацев Достоевского, изменение последовательности фрагментов исходного текста или использование клишированных английских конструкций. Переводчики отказываются и от английской формы вежливого обращения, сохраняя в переводе полные имена героев, переведенные при помощи транслитерации. Однако, как переводчики середины столетия, Р. Пивиа и Л. Волохонская позволяют себе либо не переводить какие-то фрагменты исходного текста, либо уточнять текст оригинала, делая его более понятным для реципиента. Рассуждения Смердякова о том, почему Ивану было выгодно убийство отца, если его совершит Дмитрий, переводчиками уточняется. Вместо словосочетания «в ссылку пойдутс» в переводе конкретизируется, куда именно будет сослан Дмитрий, а именно в Сибирь. Перевод религиозно маркированных слов осуществляется не за счет подбора существующих эквивалентов, а при помощи приема экспликации, основанном на объяснении смысла, и использования нейтральной, общепотребимой лексики. Так, для перевода слова «лампада» используется слово «oil-lamp», что означает «масляная лампа», несмотря на то, что в английском языке существует слово «icon-lamp». Слову «киот» в переводе соответствует фраза «icon stand with icons», несмотря на то.

Что в церковной терминологии английского языка существует слово «icon-case», полностью совпадающее по значению с русским словом «киот». Интересна работа переводчиков со словами «поклонение», «поклониться», для перевода которых используется глагол «venerate», означающий «читать», «благоговеть». Первый пример представляет собой фрагмент легенды, иллюстрирующей отношения, которые устанавливаются между старцем и его послушником. Второй пример является размышлением повествователя о потребности русской души в обретении святыне или святого, перед кем можно пасть и поклониться.

Оригинал: «<...> *идти сначала в Иерусалим на поклонение святым местам*<...>» [Там же, с. 27].

Перевод: «<...> *and go first to Jerusalem to venerate the holy places*<...>» [8, p. 28].

Подстрочник: «<...> *и идти сначала в Иерусалим для того, чтобы почтить святыне места*<...>».

Оригинал: «<...> *обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему*<...>» [1, т. 14, с. 29].

Перевод: «<...> *to find some holy thing or person, to fall down before him and venerate him*<...>» [8, p. 30].

Подстрочник: «<...> *найти какую-нибудь святыню или святого, пасть перед ним и почтить его/ пасть и благоговеть перед ним*<...>».

Как видно из примеров, для перевода слов «поклонение», «поклониться» используется глагол «venerate», означающий «читать», «благоговеть».

Для православного христианина поклоны являются символическими действиями, в которых выражаются разнообразные чувства к Богу: покаяние и смирение, благоговение и трепет, ликование и хвала, благодарение и радость. Потребность преклониться перед величием и святостью Бога является неотъемлемым свойством духовной природы человека. Однако поклон как действие является не только выражением определенных чувств, но и частью православного обряда. Например, обязательным считается креститься с поясным поклоном при входе в храм и при выходе из него.

Использование при переводе данных фрагментов слова «venerate» не приводит к искажению смысла, но в то же время не передает полностью значения «поклона» как значимого символического действия. Более того, если содержание поклона в переводе частично отражено, то само действие, которое совершает верующий человек для выражения определенного комплекса чувств, а также соблюдения существующих традиций, остается непередаваемым.

Известно, что в данном вопросе существует различие между Православной и Западной Церквями. Православный верующий из-за чувства трепета, любви, покаяния, порой ужаса при обращении к Богу «может только пасть ниц, поклониться до земли в каком-то безмолвии души» [2, с. 196]. В Западных Церквях это бывает редко, так как «очень многое в религиозной жизни западного мира, что должно было быть живым переживанием, живым опытом, стало рациональным» [Там же].

Возможно, существующее различие в данном аспекте между Православным миром и Западом обусловлено при переводе данных фрагментов выбор слова «venerate» / читать, благоговеть/, не искажающего смысла и в то же время укладывающиеся в миропонимание западного человека.

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод о том, что в начале века поход к переводу лексики с национально-культурным и религиозным компонентом во многом зависел от личных взглядов переводчика, от его переводческих установок. Переводчики середины и конца столетия при переводе данной лексики ориентировались на принципы «одомашнивающей» переводческой стратегии, целью которой является адаптация текста оригинала согласно языку и культуре реципиента.

Такой подход к переводу культурно- и религиозно-маркированной лексики прежде всего обусловлен установкой издательства на создание иллюзии отсутствия исходного материала (оригинала), так как на протяжении практически всего XX в. как в Англии, так и в Америке перевод воспринимался как некая копия оригинала, не представляющая собой никакой особой научной или культурной ценности, «вызывающая опасения неаутентичности, искажения и контаминации» [3, р. 26]. Подобная работа с оригиналом ведет, как правило, во-первых, к нивелированию религиозных традиций, культурных особенностей языка оригинала, во-вторых, к потере того или иного смыслового пласта и, как следствие, актуализации другого.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1888.
2. Митрополит Суржский Антоний. Труды. М.: Практика, 2002. 1080 с.
3. **Cultural functions of translation** / edited by Christina Schaffner and Helen Kelly-Holmes. Clevedon: Multilingual matters LTD, 1995. 86 p.
4. **Dostoevsky F.** The brothers Karamazov / translated by C. Garnett. New York: Signet Classic, 1958. 735 p.
5. **Dostoevsky F.** The brothers Karamazov / edited by Ralph E. Matlaw. New York: Norton critical edition, 1976. 887 p.
6. **Dostoevsky F.** The brothers Karamazov / translated with an introduction by David Magarshack. New York: Penguin Books, 1958. 914 p.
7. **Dostoevsky F.** The brothers Karamazov / trans. by Andrew R. MacAndrew. New York: Bantam Classic, 1970. 1045 p.
8. **Dostoevsky F.** The brothers Karamazov: a novel in four parts with epilogue / translated and annotated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 796 p.

ABOUT DIFFERENT APPROACHES TO THE REPRODUCTION OF CULTURALLY-MARKED VOCABULARY IN ENGLISH-LANGUAGE TRANSLATIONS OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Tatyana Valerievna Vasilchenko

*Department of Foreign Languages in the Sphere of Geology, Oil and Gas
Tomsk Polytechnic University
tvasilchenko@gmail.com*

In the article the evolution of the approaches to the translation of the vocabulary with national-cultural and religious components in the English-language culture of the XXth century is presented. The results of the comparative analysis of four translations of F. M. Dostoevsky's novel are presented in connection with the basic postulates of translational conceptions.

Key words and phrases: translation of the vocabulary with national-cultural and religious components; English-language culture of the XXth century; comparative analysis; F. M. Dostoevsky; translational conceptions.

УДК 81'42

В статье показано, как использование невербальных средств общения (как фонетических, так и кинесических) способно значительно увеличить эффективность воздействия на участников судебного процесса и упростить решение поставленных коммуникативных задач. Рассматриваются конкретные приемы, применяемые в данных целях.

Ключевые слова и фразы: профессиональный дискурс; коммуникация; невербальные средства общения; воздействие; устная публичная речь.

Татьяна Михайловна Власова

*Кафедра иностранных языков
Дальневосточный государственный университет
vlasova@vimo.dvgu.ru*

ПОВЫШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА С ПОМОЩЬЮ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)®

Эффективным можно считать тот дискурс, который ведет к решению поставленных коммуникативных задач. Для того, чтобы добиться этого, участники дискурса стараются оказать на партнеров такое влияние, чтобы заставить их действовать в нужном направлении, т.е. постоянно воздействуют на них.